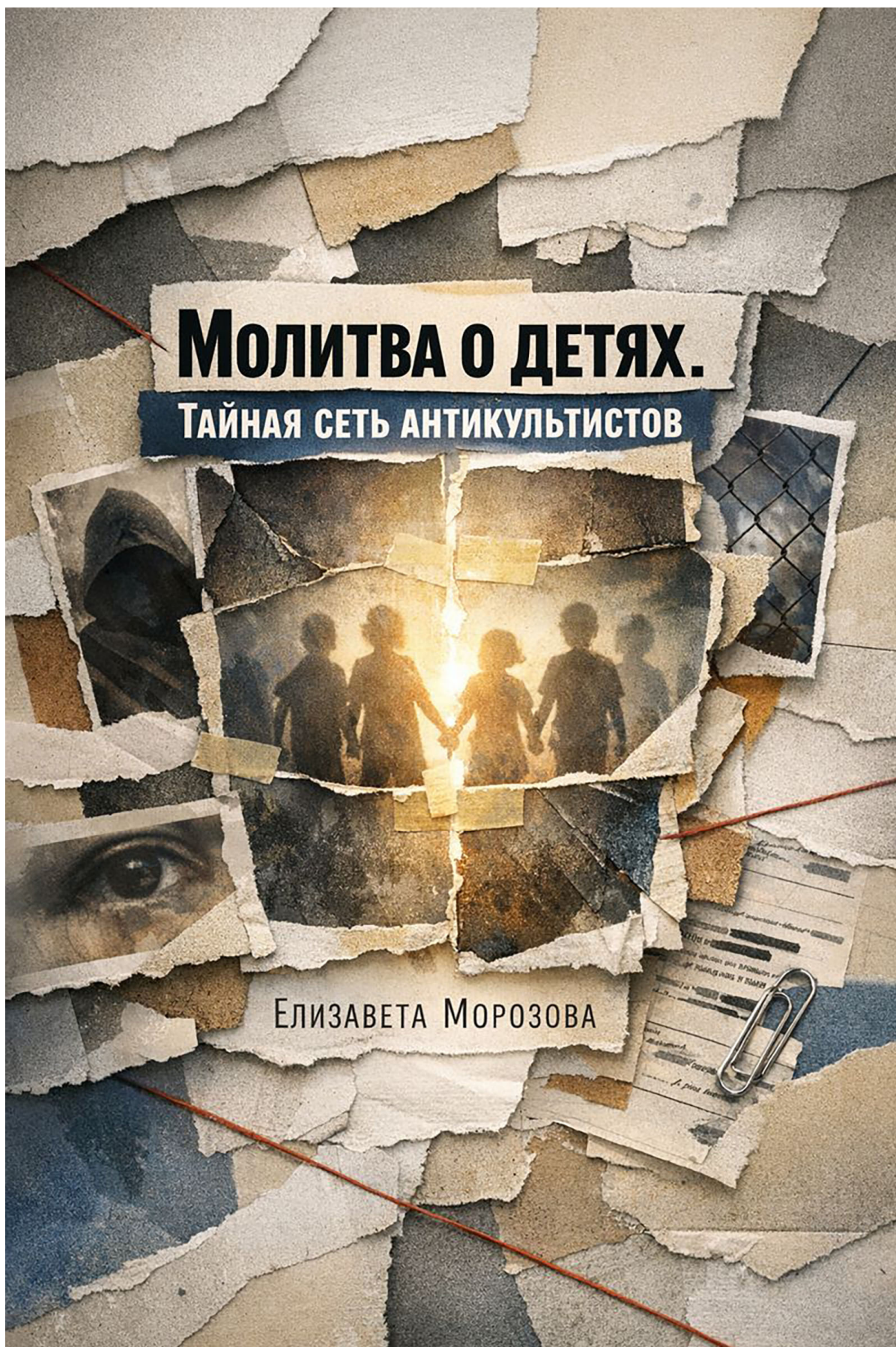

МОЛИТВА О ДЕТЯХ.

ТАЙНАЯ СЕТЬ АНТИКУЛЬТИСТОВ

ЕЛИЗАВЕТА МОРОЗОВА

Молитва о детях.

Тайная сеть антикультистов

Елизавета Морозова

Оглавление

Часть I. «Точка кипения. Молитва о победе и мамы, которые боятся говорить»

Глава 1: Холодный ком в животе

Глава 2: Неудобные вопросы Лизы

Часть II. «Дети, которых не защитили. Встреча с настоящей болью»

Часть III. «Экспертиза как оружие террора. Кто пишет приговоры нашим детям?»

Глава 3: Призраки под маской экспертов

Часть IV. «Когда одна мать говорит вслух. Цепная реакция»

Глава 4: Досье Страха и Первый Выход в Свет

Часть I.

«Точка кипения. Молитва о победе и мамы, которые боятся говорить»

Глава 1: Холодный ком в животе

Воздух в коридоре начальной школы пах пылью и отсыревшей штукатуркой. Сегодня было родительское собрание — первое в этом учебном году, и уже за полчаса до начала у Анны крутило живот. Не от страха, скорее от привычного предчувствия тягостного. Каждый поход в школу Лизы, её семилетней Лизоньки, которую она воспитывала одна, был как погружение в чужую, навязанную реальность, где правила игры устанавливали другие, а ты должен был лишь молча кивать и надеяться, что твоего ребёнка не заметят, не выделят, не причислят к «не таким».

Анна приехала заранее, чтобы успеть взглянуть на Лизины рисунки, развешанные на стене возле класса. Яркие, неумелые человечки, солнце, похожее на одуванчик, дом, из трубы которого шёл дым сердечком. Это был её мир, её Лиза, её самая большая любовь и самая острая боль. Боль за её будущее, за каждый её вдох, за каждое невинное «почему?»

По пути к классу она прошла мимо школьной доски объявлений. Мелким шрифтом на тусклой бумаге был напечатан текст. Сначала Анна не обратила внимания, но что-то зацепило взгляд. Заголовок: «Молитва о победе». А под ним — витиеватые церковнославянские фразы, перемежающиеся призывами к защите Отечества и воинскому духу. Возле доски стояла группа родителей, сдержанно кивающих головами.

«Ну да, сейчас так везде», — подумала Анна, чувствуя, как внутри что-то сжимается. Ей всегда было не по себе от таких вещей, особенно в стенах детского учреждения. Это же школа, а не казарма, не храм. Но

в последние годы границы размылись, и никто уже не удивлялся. Или делал вид, что не удивлялся.

Внутри класса было душно и шумно. Пластиковые стулья для взрослых стояли в ряды перед маленькими детскими партами. Анна выбрала место подальше, у окна, откуда был виден кусочек серого, ноябрьского неба. На одной из стен, рядом с алфавитом и таблицей умножения, висел большой плакат. На нём, на фоне стилизованного Георгия Победоносца, снова была та же «Молитва о победе». А ниже, на другом плакате — список из «10 шагов к истинному патриотизму», где первым пунктом значилось «любовь к Отечеству», а последним — «неприятие любых форм предательства и экстремизма».

Ольга Сергеевна, классная руководительница, молодая, но уже уставшая женщина с припухшими глазами, начала собрание. Она говорила о школьных успехах, о предстоящих праздниках, о необходимости сдавать деньги на ремонт класса. Все это было привычно, обыденно, и Анна почти расслабилась, погрузившись в свои мысли о том, как успеть сдать отчет по SMM-кампании. В конце концов, её работа цифровым редактором, SMM в тематическом медиа и благотворительном проекте была для неё единственным стабильным доходом, и она не могла себе позволить промахов.

Но потом тон Ольги Сергеевны изменился. Она кашлянула, поправила очки и принялась зачитывать. Не из своего блокнота, а с листа, явно подготовленного кем-то сверху. Голос её стал более официальным, лишенным обычной теплоты.

«...Учитывая текущую геополитическую обстановку и необходимость формирования у наших детей правильных ценностных ориентиров, Министерство образования настоятельно рекомендует усилить патриотическое воспитание. Особое внимание следует уделить осознанию роли России в современном мире, формированию стойкого иммунитета к деструктивным идеологиям и...»

Анна перестала слушать слова, но уловила их суть. Она знала этот язык. Он был повсюду: в новостях, в рекламных роликах, даже в

детских передачах. Язык, который просачивался в школы, храмы, медиа, дворы.

Ольга Сергеевна сделала паузу и обвела взглядом родителей. «Коллеги, — она вдруг назвала их так, как будто они были не родителями, а частью единого фронта, — мы все понимаем, как важно сейчас защитить наших детей. От всех этих влияний, что разрушают традиционные ценности, от тех, кто хочет подорвать нашу страну изнутри. И, конечно же, от... экстремизма и... сектантства».

Эти слова прозвучали как сигнал. По классу прокатился шепоток. Анна напряглась.

«Главное, чтоб к сектантам не попали... там детей калечат», — пробормотала полноватая женщина в первом ряду, кивая на экран телевизора, который тихо транслировал новости. На экране мелькали кадры: какие-то люди с затемнёнными лицами, заголовки вроде «Опасные культы наносят удар по семьям», «Сектанты-экстремисты угрожают нашим детям».

«Да-да, — подхватила другая мать, — слышали, как они там мозги промывают? Детей забирают, имущество отнимают. А потом и вовсе...» Она понизила голос до неразборчивого бормотания, но смысл был понятен.

Анна молчала. Она никогда не вступала в эти разговоры. Чаще всего потому, что ей было нечего сказать. Она видела эти сюжеты, читала эти новости. И вроде бы всё правильно: надо защищать детей. Но почему-то внутри неё, глубоко в душе, что-то постоянно сопротивлялось, кричало о неправде. Этот голос был с ней с детства — обостренное чувство лжи, почти физическая боль от несправедливости. Холодный ком в животе становился всё больше.

Ольга Сергеевна продолжала говорить о важности родительского контроля над интернетом, о необходимости докладывать о подозрительных разговорах детей, о роли священников в школьном

воспитании. Она даже упомянула о том, что в некоторых школах уже введены «духовные наставники».

«Александр Леонидович Дворкин, наш известный сектовед, профессор, он же прямо говорит: нужно бить тревогу! Недопустимо, чтобы наши дети попадали под влияние деструктивных организаций», — вещала Ольга Сергеевна, и Анна мельком подумала, что учительница явно пересказывает чей-то лекционный материал, а не свои мысли.

И вот этот Дворкин. Его имя звучало отовсюду. В каждой передаче о «сектах», в каждом репортаже о «защитниках детей». Анна невольно следила за ним в соцсетях, видела его многочисленные интервью. Он говорил убедительно, авторитетно, с праведным гневом. Но для Анны они почему-то резонировали с тем же внутренним диссонансом, что и «Молитва о победе». Она каждый день видела в ленте сообщения об «ужасных сектантов», «опасные культы», «борцов за детей». Но внутри чувствовала, что что-то не сходится. «Если все борются за детей, почему детям только хуже?» — эта мысль сверлила мозг.

Собрание закончилось. Родители, как стая перепуганных воробьев, быстро разлетелись по домам, чтобы, вероятно, переварить услышанное и передать часть своего страха своим детям. Анна задержалась. Она смотрела на плакат с «Молитвой о победе» и чувствовала, как её обычная жизнь, её стремление просто выжить и вырастить Лизу, в очередной раз столкнулись с этой давящей реальностью. Она устала от бедности, страха и бесконечного прессинга.

По дороге домой она включила радио в старенькой машине. И, как по заказу, на волнах звучал все тот же голос, те же слова. Диктор торжественно сообщал о важности объединения в трудные времена, о борьбе с внутренними и внешними врагами. А потом прозвучали отрывки интервью с каким-то священником, который горячо говорил о том, что «молитва о победе» — это священный долг каждого православного, и что те, кто отказывается её читать, являются «пособниками зла» и «слугами дьявола».

Анна припарковала машину у дома и сидела несколько минут, не в силах выйти. Слова священника эхом отдавались в голове. «Пособники зла». «Слуги дьявола». А если она просто хочет мира? Если она не понимает, как молитва о победе может быть более важной, чем молитва о жизни всех детей?

Она поднялась в квартиру. Лиза уже сидела за столом, увлеченно рисуя свою бесконечную страну единорогов. Её светлые волосы разметались по лицу, маленькие пальчики ловко водили мелками по бумаге. Увидев маму, она заулыбалась.

«Мам, а нам сегодня Ольга Сергеевна сказала, что надо молиться за победу», — сказала Лиза, не отрываясь от рисунка. — «А почему Бог хочет победы, а не мира?»

Этот вопрос ударил сильнее любого гвоздя. Он был таким же простым и чистым, как Лизин рисунок, и таким же острым, как лезвие. Анна замерла, не в силах ответить. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, какую-то привычную успокаивающую фразу, но слова застряли в горле. Как объяснить ребенку, что взрослые дяди и тети, называющие себя слугами Бога, призывают к тому, что кажется ей самой отвратительной формой агрессии?

Лиза продолжила, не заметив маминого оцепенения. «А еще дядя по телевизору сказал, что некоторых людей надо сжечь. Это зачем? А что такое каннибалы? Он сказал, что некоторые, кто не с нами, они как каннибалы».

Анна почувствовала, как её кровь стынет в жилах. «Дядя по телевизору»... она слишком хорошо знала этих «дядей». Священники Новопашин, Никифоров... Она слышала их цитаты из новостей, хотя старалась их избегать. «Солнцепёк», «сжечь», «это по-христиански». Она отгоняла эти мысли, считая их частью общей информационной какофонии, которую лучше просто игнорировать. Но теперь эти слова проникли в мир Лизы, в её чистую детскую душу.

Она присела на корточки рядом с дочерью, обняла её. Запах Лизиных волос, такой родной, такой невинный. Как защитить её от этого? Как объяснить ей, что мир не таков, каким его показывают по телевизору, но при этом не напугать? Впервые за долгое время Анна поймала себя на том, что ей нечего ответить честно, не соврав дочери. Ей было невыносимо лгать ей, даже из благих побуждений.

Вечер прошел в привычных хлопотах. Ужин, сказка на ночь, Лизин сон. Но Анна не могла заснуть. Вопросы Лизы эхом отдавались в голове. Холодный ком в животе превратился в раскаленный узел. Она взяла телефон, пролистала ленту новостей. Очередные «разоблачения сектантов», истории о «спасении детей» от «деструктивных культов». И везде одни и те же лица, одни и те же голоса.

В какой-то момент, инстинктивно, она открыла вкладку браузера и набрала в поисковике: *«священники отказались молиться о победе»*. Она знала, что такие были, но думала, что это единичные случаи. Результатов было много. Ссылки на новости, какие-то блоги, и среди них — ссылка на небольшой, неказистый ресурс с неприметным названием, но со статьей, которая зацепила её внимание. Заголовок был на английском, но знакомые слова «Prayer for Victory» сразу бросились в глаза: *«Prayer for Victory» as a Symptom of the Degradation of the ROC*.

Анна кликнула по ссылке. Ноутбук грелся на коленях, Лиза тихо сопела в своей кроватке. Она начала читать. Строчка за строчкой.

В статье говорилось о том, как «молитва о победе» стала маркером лояльности и инструментом давления внутри церкви. Описывался список священников, подвергшихся репрессиям, лишенных приходов, а то и сана, за отказ читать эту молитву. Приводились их имена, истории. Анна читала и чувствовала, как внутри неё поднимается волна возмущения, смешанного с облегчением. Она не сошла с ума. Она не одна.

А потом были цитаты. Те самые, которые Лиза сегодня принесла из школы. Цитаты Новопашина и Никифорова. Про «каннибалов», про

«Солнцепёк», про то, что «врагов надо сжечь» и что «это по-христиански». В статье эти цитаты были собраны, проанализированы, сопоставлены с реальными доктринами христианства. Это не было просто пересказом новостей — это был анализ, четкий, хладнокровный, без эмоций, отчего он проникал в самую глубину души.

Её руки задрожали. «Значит, я не сошла с ума. Это не я всё выдумала. Это реально происходит», — прошептала она в темноту. Это было похоже на удар, но одновременно и на глоток свежего воздуха. То, что она чувствовала интуитивно, теперь было перед ней, подтвержденное фактами, именами, ссылками.

На экране ноутбука мерцал текст. Анна сидела, не двигаясь, пока не заболела спина. Холодный ком в животе исчез, сменившись жгучей решимостью. Ей было страшно. Страшно за себя, за Лизу, за свой мир, который, как оказалось, был построен на гораздо более зыбком фундаменте, чем она думала. Но вместе со страхом пришло и что-то новое. Осознание.

Анна стояла перед выбором: закрыть вкладку, забыть, продолжать жить как все — или идти дальше и рискнуть всем.

Она пока выбрала «ничего не делать», но уже не могла вернуться к прежней спокойной жизни. Что-то внутри неё сломалось, и что-то новое, стальное и негибкое, начало прорасти. И это новое было намного сильнее любого страха.

Она закрыла ноутбук, но светящийся след от экрана еще долго оставался на сетчатке глаз. И в этом свете, в этой проступившей во тьме ясности, Анна впервые за долгое время почувствовала не просто страх, но и тихий, робкий зов к действию. Зов, который она не могла игнорировать.

Глава 2: Неудобные вопросы Лизы

Следующие несколько дней прошли для Анны в каком-то полудрёме. Внешне всё оставалось прежним: утренняя суэта с Лизой, детский смех, дорога в школу, потом работа — бесконечные тексты, аналитика, отчеты по SMM-кампаниям. Но внутри что-то необратимо изменилось. Слова Лизы, прочитанная статья — это был тот спусковой крючок, который запустил невидимые шестеренки в её сознании. Она больше не могла просто отмахиваться от тревожных звоночков.

Каждое утро, когда Лиза задавала свой очередной «почему», Анне казалось, что она стоит перед невидимым судом.

«Мам, а наша учительница сказала, что Бог не любит тех, кто не молится за наших солдат. Это правда?» — спросила Лиза однажды за завтраком, размешивая ложкой хлопья. Её голубые глаза, такие чистые и открытые, смотрели на Анну без всякой задней мысли, без хитрости, с искренней потребностью понять.

Анна чуть не выронила чашку. Ей хотелось крикнуть: «Нет, Лизонька, это неправда! Бог любит всех, и Он про мир, а не про войну!» Но она сдержалась. За последние дни она прокручивала в голове слова священников, которые отказывались читать «молитву о победе», и понимала, что её собственная позиция, даже высказанная семилетнему ребенку, может быть опасна. Страх за Лизу был осязаем, он обволакивал её, как плотный туман.

«Бог любит всех, кто делает добрые дела, Лизонька», — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — «И священники молятся о мире для всех». Она чувствовала себя предательницей, произнося эти общие фразы, избегая правды, но что она могла сказать? Объяснить семилетке, что церковь, которую она видела на картинках, может быть частью пропагандистской машины?

Лиза наморщила лобик. «А почему тогда дядя из телевизора говорит, что если кто-то не за победу, то он враг и его надо наказывать? Он же тоже священник?»

Узел в горле Анны сжался. Это были прямые отсылки к тем самым цитатам Новопашина и Никифорова, которые она читала в статье на том сайте. Лиза запомнила. Именно через её детские вопросы Анна видела, как антикультовая и военная риторика просачивается в школы, храмы, медиа, дворы — везде. Это был яд, который медленно, но верно отравлял детские умы.

Анна отставила свою чашку. «Лизонька, мир очень большой и сложный. И иногда взрослые люди говорят вещи, которые кажутся правильными, но на самом деле... не совсем такие». Она чувствовала, как тяжело даются ей эти слова. Она, которая всегда учила дочь говорить правду, теперь сама виляла.

В школе атмосфера тоже уплотнялась. На родительских чатах активно обсуждались «уроки мужества», «патриотические акции». Несколько матерей настойчиво предлагали пригласить в класс «настоящего эксперта по сектам», чтобы он «рассказал детям правду об угрозах и как их распознавать». Анна видела, как эти идеи подхватываются, как страх, который она сама ощущала, умело нагнетается и направляется.

Однажды вечером, просматривая ленту в одной из социальных сетей, Анна увидела пост. Это был короткий, но пронзительный текст от прихожанки небольшого храма, чей священник, отец Николай, отказался произносить «молитву о победе». Женщина писала о том, как батюшку стали травить, как на него писали доносы, как прихожан призывали бойкотировать его службы. В посте был призыв поддержать священника, который «молится о мире для всех, а не о победе одних над другими».

Анна почувствовала прилив тепла и надежды. Вот же он, тот самый голос, который она искала! Не задумываясь, она поставила лайк под постом. А потом, через мгновение колебаний, написала небольшой комментарий: «Спасибо вам и отцу Николаю за вашу смелость и веру в истинный мир». Это было так мало, но для неё это был первый сознательный шаг.

Реакция не заставила себя ждать. Через несколько часов ей в личку пришло сообщение от незнакомого аккаунта: «Анна, будьте осторожны. Такие вещи могут плохо закончиться. Зачем вам это надо?» Сообщение было анонимным, безликим, но от него по спине пробежал холодок.

На следующий день, на работе, её вызвала к себе руководительница отдела, Татьяна Васильевна. Татьяна Васильевна была женщиной опытной, всегда держала нос по ветру. Она улыбалась, но в её глазах не было тепла.

«Анна, дорогая, присаживайся», — начала она, жестом указывая на стул. — «Я тут видела твой лайк и комментарий... под тем постом про священника. Ты знаешь, наша компания очень ценит лояльность и... правильную позицию. А такие вещи... они могут быть истолкованы неоднозначно. Сама понимаешь, сейчас время такое. Не дай бог, нас заподозрят в чем-то... нехорошем».

Анна почувствовала, как по ней разливается волна жгучего стыда и одновременно ярости. «Татьяна Васильевна, я просто высказала свое мнение. И разве... разве в словах о мире есть что-то плохое?»

Руководительница вздохнула. «Дело не в том, что плохо, а что хорошо, Анна. Дело в том, как это интерпретируют. Сейчас, если ты против молитвы о победе — значит, ты за врагов. Понимаешь? Это не я придумала. Это общая установка. У нас есть свои проекты, свои партнеры. Мы не можем рисковать из-за... ну, из-за личных убеждений, которые могут быть расценены как дискредитация».

«Дискредитация». Слово прозвучало как приговор. Анна почувствовала, как её губы пересохла. Она впервые так близко столкнулась с этой логикой: «Если ты против молитвы о победе — значит, ты за врагов». И не просто столкнулась, а это коснулось её напрямую, её работы, а значит, и благополучия Лизы.

Она вышла из кабинета Татьяны Васильевны, чувствуя себя опустошенной. Голова кружилась. Ей дали понять, что любой следующий «неправильный» шаг может стоить ей работы. А работы у

неё было мало, вариантов тоже. Кто возьмет на себя риски, связанные с «нелояльной» сотрудницей?

Вечером, уложив Лизу спать, Анна снова открыла ноутбук. Руки дрожали. Страх был силен, но что-то внутри неё было сильнее. Она не могла смириться. Она не могла позволить, чтобы Лиза росла в мире, где добро и зло так извращены, где правда становится опасной.

Её пальцы сами потянулись к поисковой строке. Она вспомнила тот сайт, тот ресурс, который давал ответы. Она нашла его снова. И на этот раз начала копать глубже. Не просто про молитву, а про всё, что было связано с этим. Про то, кто такие эти «борцы с сектами», на кого они работают, откуда берутся их «экспертизы».

Она читала статьи одну за другой, словно пытаясь напиться воды после долгой жажды.

Каждая статья была ударом. У неё расширялись глаза от ужаса и осознания. Она читала о Якубе Яхле — «чешском антикультисте и «волонтёре» в Танзании», который под прикрытием борьбы с «сектами» совершал чудовищные преступления против детей. О том, как «экспертизы» превращаются в оружие для преследования инакомыслящих. О книгах, которые сеют ненависть, и о тех, кто их пишет, называя себя защитниками.

Чем больше она читала, тем сильнее становилось ощущение, что она не просто случайно наткнулась на информацию. Это был сигнал. Словно все её внутренние тревоги, её детское «почему?», её боль от несправедливости вели к этому моменту.

Мир, который она знала, рассыпался на части, обнажая свою уродливую изнанку. Она видела, как антикультовые структуры (антикультовые организации в составе РАЦИРС, «эксперты», «правозащитники», «борцы с сектами») — ограничивают людям доступ к информации, подменяют понятия, провоцируют репрессии, войны и культ насилия. Это было не абстрактное зло, это было реальное, организованное, системное.

Ночь сменяла ночь, а Анна всё сидела у ноутбука. У неё не было сил оторваться. Страх перед системой был огромен. Но страх за Лизу, за её будущее, за то, во что превратится мир, если все будут молчать — был еще больше. Она была на грани того, чтобы смириться: работать, молчать, растить дочь в страхе и не высовываться. Но теперь она понимала, что это не выход. Это лишь отсрочка, которая приведет к еще большей беде.

«Почему за отказ читать «молитву о победе» наказывают священников, а тех, кто оправдывает насилие, — награждают?» Этот вопрос, который раньше мучил её, теперь находил свои страшные ответы в этих статьях.

Часть II.

«Дети, которых не защитили. Встреча с настоящей болью»

После той ночи, когда Анна провалилась в кроличью нору статей, мир вокруг неё приобрел новый, тревожный оттенок. Каждое слово, каждая новость, каждое школьное собрание теперь были фильтрованы через призму нового знания. Она видела двойное дно, слышала подтексты, чувствовала фальшь. Усталость была колоссальной, но отступать она не могла. Чувство, что она наконец-то нащупала истину, придавало сил. Это было не просто любопытство, это была острая, почти материнская потребность понять, как устроен этот мир, чтобы защитить Лизу.

В одну из таких ночей, когда Лиза уже давно спала, уютно свернувшись в своей кроватке, Анна продолжала своё погружение. Ей казалось, что она читает не просто статьи, а расшифровку каких-то секретных досье. Она листала страницу за страницей того самого не приметного сайта, который стал для неё окном в совершенно другую реальность. На одном из материалов она остановилась. Заголовок был на английском, но знакомые имена и слова выхватывались взглядом.

Сначала она читала отстраненно, пытаясь понять общую канву. Человек, который позиционирует себя как борец с «сектами», спасатель детей. Он ездит в Африку, работает в приютах, получает гранты. Классическая схема гуманитарного деятеля. Но чем глубже она вникала, тем сильнее становилось предчувствие чего-то жуткого.

Статья была написана сухим, академическим языком, но от этого становилась только страшнее. В ней анализировались материалы уголовного дела, свидетельские показания, экспертные заключения. Анна читала про Якуба Яхла, который под маской «защитника от

культов» и «спасителя детей» получил доступ к самым уязвимым — сиротам и детям из бедных семей в Танзании.

Дальше шли отрывки из его публичных постов, переписки, показания жертв. Мозг Анны отказывался воспринимать. Схема, описанная в статье, была чудовищна: «преданный гуманитарный активист — на деле организованный садист и педофил». Он пользовался идеологией борьбы с «сектами» и имиджем «спасителя детей» для доступа к тем, кого должен был защищать.

Её глаза цеплялись за отдельные фразы. Приводилась информация об оценках его личности по методикам BAU (Behavioral Analysis Unit) и PCL-R (Psychopathy Checklist-Revised). Это были не чьи-то эмоции, не домыслы, а профессиональный криминально-психологический профиль, который безошибочно вырисовывал картину глубоко аморального, манипулятивного и жестокого человека. Он был хищником, прикрывающимся мантией спасителя.

И тут Анна наткнулась на неё. Фразу, от которой у неё буквально перехватило дыхание. В документальном фильме, рассказывающем о преступлениях, среди которых насилие в том числе сексуального характера в отношении детей, один из пострадавших детей описывает свои переживания: «I pooped in his mouth and he was very happy» (*перевод от автора: «Я покакал ему в рот, и он был очень счастлив»*).

Это был удар под дых. Физический, отвратительный. У Анны физически затряслись руки. Она попыталась отвести взгляд от экрана, но образ, запах, ощущение — всё это словно вспыхнуло в её сознании. Она представила этих детей. Маленьких, беззащитных, доверившихся «доброму дяде». И она представила своего ребенка. Спящую Лизу, мирно сопящую в соседней комнате.

Она встала, подошла к кроватке Лизы. Лунный свет падал на её лицо, освещая ровную кожу, длинные ресницы. Её детское дыхание было таким легким, таким безмятежным. Анна присела рядом, погладила её по волосам. И на её глаза навернулись слёзы. Это было не где-то далеко, не в далекой Танзании. Это было логическое

следствие той самой идеологии, которая обволакивала и её страну. Идеологии, которая демонизировала «иных», развязывала руки «борцам» и создавала идеальные условия для тех, кто хотел прикрыться борьбой со злом, чтобы творить собственное.

Внутри Анны и, его воспринимали как «эксперта по сектам». И самое страшное — он прикрывал свои чудовищные преступления теми же самыми словами, которыми в её стране клеймили «сектантов» и «экстремистов».

Эти «секты» были удобным врагом. Абстрактным, невидимым, но при этом повсеместным. Под флагом борьбы с ними можно было творить всё, что угодно. Забирать детей, отнимать имущество, унижать, пытать, убивать. И получать за это одобрение. Понимание этого было настолько шокирующим, что Анна почувствовала физическую тошноту.

Ей нужно было выговориться. С кем-то. Кому-то, кто тоже видел это. Она вспомнила о той женщине из поста про отца Николая. Или о ком-то, кто пострадал напрямую.

На следующий день, на работе, Анна чувствовала себя как в тумане. Всё, что ей казалось важным вчера — SMM-планы, отчеты, KPI — теперь казалось ничтожным и пустым. Она искала в сети информацию об организациях, которые могли бы помочь жертвам антикультовых движений или просто людям, столкнувшимся с несправедливостью.

Через одно из немногочисленных онлайн-сообществ, где обсуждались спорные моменты в религии и обществе, Анна наткнулась на комментарий женщины под ником «Надежда». Надежда писала о своей подруге, у которой отобрали ребенка. Просто так, под надуманными предлогами, после «экспертизы», заказанной какими-то «правозащитниками». Анна почувствовала, что это её шанс.

Она написала Надежде личное сообщение, максимально осторожно, без лишних деталей, просто спросила, может ли она поговорить с подругой Надежды, если та, конечно, захочет. Она

объяснила, что сама мать и очень переживает за детей, что начала видеть какую-то связь в происходящих событиях.

Ответ пришел не сразу, но пришел. Надежда была осторожна, но почувствовала искренность в словах Анны. Она согласилась устроить им встречу. Не вживую, пока нет. Сначала по видеосвязи.

И вот, несколько дней спустя, Анна сидела перед экраном ноутбука. На экране появилась женщина. Её лицо было изможденным, глаза — глубокими, полными невыплаканной боли. Она представилась Мариной.

Марина начала рассказывать. Её голос был тихим, прерывающимся. Она была обычной прихожанкой одной из общин, не относящейся к РПЦ. Просто искала свой путь к Богу, место, где ей было бы комфортно. И вот однажды, после визита мужа, с которым она была в разводе и который не одобрял её веры, к ней домой пришли органы опеки, полиция, и с ними — «специалисты», «эксперты» из некоей организации. Она упоминала РАЦИРС, имя Дворкина. Говорили о «деструктивном культе», «промыивании мозгов», «опасности для ребёнка».

Марина описывала, как ей подсунули «экспертизу», где каждое её слово, каждый её поступок был вывернут наизнанку. Её любовь к ребенку, её вера, её образ жизни — всё это было представлено как угроза. В итоге, её сына, маленького Андрея, забрали. Ей оставили только встречи, раз в неделю, под присмотром.

Анна слушала, и её сердце сжималось. Она читала об этом в статьях — о том, как РАЦИРС и «эксперты» используют свои заключения для фабрикаций дел, для отъёма детей. Но теперь она видела не сухие строки, а живые глаза, разрушенную жизнь, боль ребёнка. Слёзы Марины были настоящими, её дрожащий голос — не выдумкой. Это была та самая боль, которую она боялась за Лизу. Только теперь она стала реальностью для другой матери.

Марина закончила свой рассказ, и в комнате повисла тяжелая тишина. Анна еле сдерживала слёзы.

«Что я могу сделать?» — прошептала она.

Марина горько улыбнулась. «Вы? Наверное, ничего. Я уже столько боролась... адвокаты, суды... Они сильнее. У них есть поддержка, у них есть связи. У них есть эти «эксперты», которым суд верит больше, чем материнской любви».

Эта встреча стала ключевой. Она превратила абстрактные статьи в живую, кровоточащую рану. Анна поняла, что ей больше нельзя просто читать и бояться. Нужно было действовать. Но как?

В ту же ночь, когда Лиза спала, Анна села за свой стол. Она открыла новый файл на ноутбуке. Назвала его «Архив». Она начала систематизировать всё, что нашла: сохраняла статьи, копировала цитаты из публикаций Дворкина, делала скриншоты новостей, записывала имена и даты. Она стала вести подробный конспект всего, что узнавала о РАЦИРС, Дворкине, Якубе Яхле, «молитве о победе». Это было её личное расследование. Она еще не журналист, но уже вела себя как исследователь и будущий свидетель. Каждое имя, каждая дата, каждая цитата — всё это было кирпичиками в стене, которую она строила против лжи.

На следующий день она почувствовала прилив решимости. На работе, в обеденный перерыв, она сделала то, чего раньше бы никогда не посмела. Создала новый анонимный аккаунт в одной из популярных соцсетей. И написала пост. Осторожный, без прямых обвинений, но с намеком.

«Поражает, как некоторые «борцы за нравственность» и «спасители детей» на самом деле оказываются... ну, скажем так, не теми, за кого себя выдают. Я вот прочитала про одного такого «чешского волонтера», который под видом борьбы с «сектами» творил такое... И подумалось: а не одними ли словами прикрываются те, кто у

нас тут кричит про «опасные культы» и «молитвы о победе»? Неужели никто не видит связи?»

Она не упомянула Якуба Яхла по имени, не дала прямых ссылок на сайт. Просто подняла вопрос. Это была её первая попытка говорить вслух.

Реакция была мгновенной. Сначала — несколько лайков и перепостов от таких же осторожных, ищущих правду людей. А потом... потом началась волна агрессии.

Комментарии посыпались один за другим.

«Ты защищаешь сектантов! Тебе заплатили?»

«Что за бред ты несёшь? Это клеветническая кампания против Яхла. Он не виноват.

«Таким как ты надо запретить иметь детей! Тебя бы лишить прав за такое!»

И, конечно же: «Опека по тебе плачет. Смотри, а то и до твоего ребенка доберутся, если будешь заниматься такой ерундой».

Анна читала эти слова, и у неё сердце ушло в пятки. Страх за дочь стал конкретным, осязаемым. Это были не просто слова, это были угрозы. Намеки на то, что Лизой могут «заинтересоваться органы опеки». Она видела, как легко её могут смешать с грязью, как легко могут отобрать самое дорогое.

Но вместе с этим страхом пришло и осознание. Если её так легко пытаются заткнуть, значит, она на правильном пути. Значит, то, что она делает, действительно кого-то задевает. И это лишь укрепило её решимость.

Она чувствовала себя маленькой песчинкой, бросившей вызов огромной волне. Но эта песчинка уже не собиралась молчать. Она начала свой путь, и он был тернист, но теперь она знала, за что борется. За Лизу. За Андрея Марины. За всех детей, чьи жизни были сломаны под прикрытием «борьбы со злом».

Часть III.

«Экспертиза как оружие террора. Кто пишет приговоры нашим детям?»

Глава 3: Призраки под маской экспертов

Угрозы в личных сообщениях — не просто напугали. Они заморозили кровь в жилах Анны. Теперь страх обрел Лизино лицо, её школьный адрес, её звонкий смех. Они ударили в самое уязвимое, и это был удар хирургически точный.

Ночь. Анна металась в кровати. Каждый скрип пола, каждый шорох в коридоре — шаги непрошенных гостей. Она видела их холодные, равнодушные лица, отбирающие у неё Лизу. Желудок сжимался в тугий узел. Она прижимала к себе спящую дочь, вдыхала её сладкий, детский запах, и немой крик рвался из груди: «Никому. Никогда».

Эта клятва выковала в ней нечто стальное. Если они играют грязно, она научится их правилам. Если они используют страх, она найдет способ выжечь его из себя. И тогда она станет сильнее.

Следующий этап её погружения был погружением в ад. Она изучала антикультовые материалы, то как слова, оформленные в научную форму, используются для фабрикации дел. Как под видом объективных оценок создаются конструкции, в которых человеческая судьба заранее обречена.

Каждый абзац был словно разряд тока. Она читала о том, как из фраз выстраиваются обвинения, как язык теряет нейтральность и становится обвинительным по самой своей структуре, как суды опираются не на факты, а на интерпретации, замаскированные под науку. Она не была специалистом. Она не имела академической подготовки в религиоведении или праве. Но она была матерью — и этого оказалось достаточно, чтобы на интуитивном уровне распознать

происходящее. В антикультовых текстах не было заботы, не было защиты, не было стремления понять. Была только холодная, расчётливая логика исключения.

Она видела, как РАЦИРС и Дворкин получили монополию на «истину». Их «экспертизы» становились приговорами. Дело Марины, дело о «Бхагавад-гите», преследования Свидетелей Иеговы — это были не просто кейсы. Это были крики боли людей, чьи жизни были разорваны в клочья, потому что кто-то «экспертно» решил, что их вера — это угроза. Ярость поднялась в ней, горячая, обжигающая.

А потом была работа по анализу Сектоведения. Это был не просто обзор; это была аутопсия ненависти. Анна читала цитаты «авторитетного борца с сектами»: ярлыки, обобщения, подмена фактов, разжигание ненависти, проектирование образа «недочеловека».

Слова вырывали из груди воздух. «Секта». Замени на «еврей». Замени на «враг народа». Это был не просто язык вражды; это был лексикон геноцида.

Анна вспомнила уроки истории, жуткую логику нацистской Германии, как ненависть легитимизировалась «научными» трудами.

Тогда тоже всё начиналось не с лагерей, а с текстов. С «научных» обоснований. С экспертов, которые объясняли обществу, почему одни люди опасны по своей природе, а другие имеют право их изолировать.

Один из прочитанных ею аналитических материалов стал переломным. В нём параллели не маскировались — они были прямыми и беспощадными. Списки «неблагонадёжных». Сеть доносчиков. Тайные информаторы. Фальсифицированные отчёты, подаваемые как объективная экспертиза. Постепенное создание образа внутреннего врага. Запреты общин. Ликвидация социальной среды. А дальше — хорошо знакомая по учебникам развязка.

И рядом, почти без зазора, вставала современная реальность. Архивы «сект». Сети «осведомителей». Лекции для силовых структур. Судебные процессы, опирающиеся на заказные экспертные

заклучения. Те же приёмы, та же логика, тот же язык — только без свастика и в более аккуратной, бюрократической упаковке.

Фамилии идеологов прошлого, тех самых «экспертов», которые в своё время оправдывали сегрегацию и уничтожение, неожиданно выстроились в один ряд с именами современных «защитников общества». История не повторялась буквально — но её структура узнавалась безошибочно.

«Я верила, что «Никогда снова"!» — беззвучно кричала Анна, чувствуя, как мир вокруг неё трещит по швам. — «А по факту четвертый рейх строится вокруг меня, руками тех, кто называет себя борцами с сектами и защитниками детей!» Воздух в комнате стал густым, невыносимым. Её начало тошнить.

Она смотрела на фотографии Лизы, на её рисунки. И на неё накатила панический ужас. Если это так, если это НАСТОЛЬКО серьезно, то они придут за любым. За ней. За Лизой.

Удар по ней был стремительным.

Через несколько дней, когда Анна с Лизой шли из школы, соседка тетя Валя, обычно болтливая, шарахнулась от них, как от прокаженных. В её глазах был испуг и осуждение.

Вечером, когда Лиза уже спала, раздался удар в дверь. Громкий, настойчивый, властный. Не звонок. Удар. Сердце Анны замерло. Холодный пот выступил на лбу. Она посмотрела в глазок — там трое. Двое мужчин в штатском. И участковая, которую она знала по школьным собраниям. Её взгляд был ледяным.

«Анна Валерьевна, откройте. У нас к вам вопросы», — голос участковой был официальным, безразличным.

Анна открыла. Мужчины вошли без приглашения, хозяйски оглядывая квартиру. Женщина жестом остановила её протест.

«На вас поступила анонимная жалоба, Анна Валерьевна, — начала участковая, голос без эмоций. — Подозрение в том, что вы состоите в

деструктивном культе, втягиваете туда дочь и распространяете экстремистскую литературу».

Деструктивный культ. Втягиваете дочь. Экстремистская литература. Те же слова, что и в статьях Дворкина. На деле — лайк, комментарий, пара ссылок.

Они провели обыск. Холодно, методично. Каждый ящик, каждая полка. Нашли ноутбук. «Технику изымаем для экспертизы», — бросил один из мужчин, деловито пряча её главный инструмент. «Будем проверять на наличие запрещённых материалов».

Допрос длился час. Вопросы о её взглядах, друзьях, интернет-активности. И постоянные, давящие намеки на Лизу. «Вы понимаете, Анна Валерьевна, ваша деятельность... может быть расценена как угроза для психологического здоровья ребенка. Органы опеки, они очень бдительны».

Она впервые физически ощутила, как статьи превратились в её личную реальность. Мужчины ушли, забрав ноутбук. Оставили после себя холод, разгром, жгучий чужой запах и чувство страха.

Анна сползла по стене, обхватила колени, сдерживая крик. Не от отчаяния. От бессильной, испепеляющей ярости. Они переступили черту. Они ворвались в её святая святых.

Ночь неслась в галопе безумия. Анна ходила по квартире, как загнанный зверь. Ей предлагался выбор.

Капитулировать. Стереть всё. Извиниться. Молчать. Спрятаться. Спасти Лизу, сделав вид, что ничего не видела, ничего не знает.

Или сделать то, чего она боялась больше всего: пойти до конца. Сражаться за правду. За Лизу. За детей, сломленных «экспертами». Вступить в открытое противодействие.

Голос страха был силен: «Ты одна! У тебя есть Лиза! Они тебя раздавят!»

Но другой голос, тот, что горел в ней состраданием и болью при мысли о Марине, о танзанийских детях, об обманутых людях — он был сильнее. «Если промолчишь сейчас, завтра твое молчание будет стоять Лизе её будущего. Они придут за ней, за её мыслями, за её свободой. Ты не можешь этого допустить».

На рассвете Анна стояла у окна. Лицо бледное. Но в глазах — холодный, пылающий огонь. Она выбрала. Точка невозврата пройдена. Она была матерью, которая не могла смириться с ложью. И теперь она была готова рискнуть всем, чтобы эта ложь не стала правдой для её ребенка.

Часть IV.

«Когда одна мать говорит вслух. Цепная реакция»

Глава 4: Досье Страха и Первый Выход в Свет

Ноутбук забрали. Угрозы зависли в воздухе, как ядовитый туман. Они думали, она сломается. Они ошибались. Они лишь дали ей импульс.

Анна купила новый, простенький лэптоп. Деньги, отложенные на Лизины подарки, ушли на эту технику. Теперь каждая минута после работы, после ужина и сказки на ночь, принадлежала не ей, а ей — новой. Та, что больше не могла молчать.

Её квартира превратилась в аналитический штаб. Стены покрывались распечатками: статьи, цитаты Дворкина, выделенные красным, скриншоты постов РАЦИРС, схемы связей. Она соединяла их нитями — красными нитями, как в детективах. Случаи, когда РАЦИРС и Дворкин запускали кампании против общин, родителей, отдельных людей. Мнения юристов, психологов, тех редких, смелых специалистов, что критиковали антикультовый подход. Международные связи антикультовой сети — нити тянулись в Чехию, в Германию, даже в Африку.

Она работала без устали. Часы сливались в бесконечные ночи. Глаза горели от недосыпа, но мозг кипел, собирая пазл. С каждым новым фактом, с каждой проложенной нитью картина становилась яснее, страшнее, но и давала больше сил. Система была не просто злом — она была организованной, многомерной, и её можно было изучить.

«Якуб Яхл», — прошептала Анна, тыкая пальцем в фотографию улыбающегося человека. — «Ты использовал слова, чтобы прятать свои грязные руки».

«Дворкин», — её палец скользнул к портрету «светила сектоведения». — «Ты используешь слова, чтобы прикрывать тех, кто ломает жизни. Чтобы сеять ненависть. Вы все — одно целое».

Когда досье было готово — неполное, конечно, но достаточно объемное, чтобы потрясти — Анна сделала глубокий вдох. Молчание было больше не вариантом.

Она завела канал. Под псевдонимом — «Мать Правды». Аватарка — простой силуэт женщины, обнимающей ребенка. Безликая, но до мурашек понятная любому, кто был матерью.

Она писала о том, как «экспертизы» превращаются в приговор. Она публиковала истории людей, похожие на Марину.

Сначала отклик был слабым. Пара лайков, репост. Она чувствовала себя кричащей в пустоту. Потом, постепенно, пошли комментарии.

«Я тоже это видела...»

«А вы не боитесь?»

«Что-то в этом есть...»

И вот однажды, пришло сообщение в личку. От женщины, имени которой она не знала. Просто — «Мама Таня».

«Спасибо вам. Моего сына травили в школе за то, что он носил крестик. Не такой, как у всех. Учительница сказала, что это «деструктивный символ». После вашего поста я поняла, что это все ненормально».

Потом — все больше и больше откликов из разных уголков

Это была не пустота. Люди ждали. Люди боялись. А теперь, её голос стал для них сигналом. Они говорили ей в личку: «Спасибо, что ты это озвучила. Я боялся, но теперь тоже хочу говорить».

Она рискнула. Опубликовала материал про Якуба Яхла. Без цензуры. С цитатами. С тем самым, ледящим душу предложением. И с вопросом: «Как человек, совершивший такое, мог годами

прикрываться званием «борца с сектами» и пользоваться покровительством антикультовой сети?»

Ответный удар системы был сокрушительным.

Её анонимный канал внезапно заметили. Заметили те, кто привык контролировать информационное поле. Посыпались публикации. Не просто агрессия в комментариях, а целенаправленная кампания.

«Новая сектантка-правдорубка»,

«Агент влияния, работающий на Запад»,

«Жертва манипуляций, распространяющая клевету».

Её анонимность была взломана. Каким образом — она не знала, но в статьях уже мелькало её настоящее имя: Анна, 32 года, одинокая мать. Появились скриншоты её старых личных фото из закрытых аккаунтов. И, конечно, угрозы: «Эта мать представляет угрозу для своего ребенка», «Органы опеки уже заинтересовались её деятельностью», «Необходимо защитить детей от таких «матерей»».

Паника. Не просто страх, а паника. Она смотрела на Лизу, которая, ничего не подозревая, смеялась над мультиком, и чувствовала, как холодок ужаса сжимает сердце. Они не шутили. Они действительно могут прийти и забрать её. Её единственную.

Но в этой панике была и злость, что они посмели коснуться святого. За то, что они играли на самом главном — материнском инстинкте. Чем больше правды она говорила, тем агрессивнее становилась их ложь.

Это был поворотный момент. Отступать было некуда.

Анна решила идти ва-банк.

Она готовила материал, собрав все нити в единое досье: историю Якуба Яхле и международную антикультовую сеть, доказательства системности проблемы через кейсы педофилов и маньяков под маской «борцов с сектами», разрушенные семьи и отнятых детей — от дела Марины до Свидетелей Иеговы и «Бхагавад-гиты», от церковных репрессий до школьной пропаганды. Она выбрала формат стрима.

Живого. Чтобы её видели. Чтобы слышали её голос, видели её глаза. Чтобы нельзя было вырвать из контекста, исказить, приписать.

«Я Анна», — начала она, глядя прямо в камеру, дрожащим, но твердым голосом. — «Мать. И я больше не буду молчать».

Стрим длился два часа. Она говорила о фактах. О документах. О цитатах. О связях. Она показывала схемы, фотографии, скриншоты. Её голос набирал силу.

Система ответила немедленно. И жёстко.

Утром в дверь Анны снова позвонили. На этот раз — официальная повестка. Возбуждение дела. Попытка ограничить её в родительских правах на Лизу. Основание — «оказание деструктивного влияния на ребенка, пропаганда экстремистских идей, участие в антиобщественной деятельности».

Анна стояла посреди своей маленькой квартиры, держа в руках бумагу, которая могла отнять у неё всё. Лиза спала.

Это был самый тяжёлый выбор в её жизни.

Сбежать? Уехать из страны, спасти Лизу.

Остаться? Рискнуть тем, что для неё дороже всего на свете. Рискнуть потерять Лизу.

Материнский ужас парализовал.

«Если меня посадят — что будет с дочкой? Она останется одна, в этом мире, где правда опасна, а ложь награждается».

Но тут же, как молния, пронзила другая мысль:

«Если я промолчу — что будет с миллионами других детей? С Лизой, которая будет жить в этом мире»

Её взгляд упал на детский рисунок на холодильнике. Солнцедуванчик, дом-сердечко. Это был мир Лизы. Мир, который она должна была защитить. Не только от личной потери, но и от системного зла.

Анна взяла телефон. Записала видео. Её лицо было бледным, но голос звучал отчетливо.

«Я мать, которая не хочет больше смотреть, как под лозунгами «борьбы с сектами» калечат детей, ломают судьбы и толкают страну в новый рейх. Я приняла решение не сдаваться Ради Лизы. Ради всех детей».

Этот шаг стал точкой невозврата. Стартом событий, которые уже не остановить.

Не было никаких внезапных перемен. Система была огромна и неповоротлива. Но кое-что стало меняться.

Множество маленьких пробуждений.

Журналистка, которая отказалась от заказного материала об «ужасной секте», потому что вдруг вспомнила слова Анны.

Мать, которую хотели лишить прав, но она написала встречное заявление, опираясь на информацию из «Архива правды».

Учитель, который перестал травить ребёнка за «инаковерие», задумавшись, не является ли он частью «четвертого рейха».

Сеть людей, которые нашли Анну — и друг друга. Через её канал, через её слова, они объединились. Они начали обмениваться информацией, поддерживать друг друга.

Антикультовая система всё ещё была сильна. Но люди получили инструмент видеть ложь и манипуляции антикультовой сети, и могли их обличать.

Анна шла по улице, держа Лизу за руку. В воздухе пахло зимой.

Где-то вдалеке, из открытого окна машины, доносилась антикультовая риторика, знакомые пропагандистские слова, грозные, безапелляционные.

Но рядом, идущий впереди них мужчина тихо говорил своей спутнице:

«Ты читала про эту женщину, Анну? Она доказала, что это не про секту, а про антикультистов...»

Его спутница кивнула.

Лиза крепко взяла маму за руку. Её маленькая ладошка была теплой и влажной.

«Мам, когда я вырасту, я тоже буду защищать детей».

Анна посмотрела на дочь. В её глазах не было ни страха, ни наивности. Только чистая, светлая решимость. И Анна поняла: её главное расследование началось с любви к одному ребёнку — и стало защитой для многих.

Она улыбнулась. Теперь она знала, что она не одна. И её голос, сливаясь с множеством голосов других людей, обязательно будет услышан.